

региональных идентичностей Западной и Восточной Украины, предстающими в роли двойной ипостаси Чужого.

Ключевые слова: Восток – Запад, топос, православие, католицизм, мистицизм, рационализм, индивидуализм, коллективизм, соборность, региональная идентичность, Чужой.

Bilchenko E. The Myth «East – West» and Ukrainian context: Orthodox Unity vs Catholic Personalism.

The main provisions of the proposed conceptual exploration - deconstruction of modern myth of «East - West» on the basis of comparative analysis of the Orthodox and Catholic world views. Through hermeneutic interpretation of meanings in Eastern and Western Christianity are created two models of mythological topos: Orthodox space with its tendencies to mysticism, collegiality, communitarian (socialist) forms of governance, and Catholic space, which is characteristic of rationalism, personalism, liberal democracy, the dominance of the personal factor. National culture is interpreted on the base of phenomenology of religion as a marginal mythological and geographical area of the two types of regional identities in Western and Eastern Ukraine, which appears as a double incarnation of Strange.

Comparative analysis of pictures of the world Orthodoxy and Catholicism allowed to postulate the presence of Christianity in the two discourses of thinking and being: Western individualistic (personalism) and Eastern collectivist (unity, collegiality). This difference is the basis of cultural and historically conditioned differences in the further development of the mentality of the East and the West, and assumes the character of radical opposition to social mythology in the Ukrainian context. Mental topos in Western Ukraine (the myth of «Lviv») and mythological geography of «South» and «Donbass» are partial manifestations of discourses Person and Union which function despite all the liberal calls for a «multicultural tolerance» by archetypal opposition «We – They». Western topos comes from bourgeois rationality and tends to private enterprise, individual integrity, liberal freedoms, national values. The eastern topos leans towards social (community) irrationality, collective ownership, dissolution of personality in general totalitarian forms of government and class equality. Conflict of local identities, that tend to rebuilt itself, bringing to the absolute their ethnocultural features with the aim self-clarification. Its content becomes: social and class («capitalism – communism», «bourgeoisie - proletariat»), political («democracy – totalitarianism»), linguistic and national («pro-Russian» - «Pro-Ukrainian») and symbolic and mythical («Bandera – Crime»). These symbolic lines can be continued indefinitely. Of course, it would at least be naive to believe that religious motivation in today's secular society has an absolute impact on the global geopolitical faults and confrontation. However, going after the M. Weber, one could argue that it is sacred values as unconscious, deeply embedded in the social psyche structures on the level of mentality inertially continue to influence mental setup and mutual prejudices between East and West Ukraine - even regardless of awareness of their speakers.

The partial removal of tension in this dichotomy is possible through finding common origins of western and eastern traditions, that should be sought in the evangelical concept of love. This concept was pronounced in the formula-signature of Sophia inherent to Kiev version of the doctrine. Sophia suggests the harmony (symphony) of sociality and spirituality, rationality and emotion, theory and practice. Sophia makes favorable conditions for dialogue of Orthodox Church with the Catholic concept of integral humanism. This is the priority vector of reforms of the Catholic doctrine. Implementation of this dialogue must take the combined forces of church and state. State cultural policy must be based on the achievements of modern theoretical cultural studies, in particular knowledge of the religious mechanisms of modeling of myths, stereotypes, phenomenology of Alien and experience with Stranger.

Key words: East – West, topos, Orthodoxy, Catholicism, mysticism, rationalism, individualism, collectivism, unity, regional identity, Stranger.

Надійшла до редколегії: 28.03.2014

УДК 316.012

Ю. Ю. Бродецкая

Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепрпетровск)

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЖЕЛАЮЩЕГО: АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ДЕФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Фокус исследования сосредоточен на анализе феномена желания как рационального механизма деформации индивидуальной и социальной целостности. Условия развития современных общественных отношений, их характер и перспективы, трансформируют социальность в продукт знакового потребления - тотального потребительства. Анализ социальной практики позволяет говорить о необходимости исследования изменений ценностных установок и ориентиров самого человека. В связи с этим, автор обращается к теме желания, которое сегодня выступает механизмом индивидуальной и социальной активности, искажая характер экзистенциальных механизмов активности человека – потребностей.

По мнению автора, исследование проблематики желания позволяет выявить тот деструктивный потенциал, который угрожает решению проблемы индивидуальной и социальной целостности.

Ключевые слова: желания, потребности, индивидуальная целостность, социальная целостность, общество потребления.

Постановка проблемы. Актуализация проблематики целостности, порядка, интегрированности социального и индивидуального становится визитной карточкой современной социологической традиции. Макромир уже давно перестал быть чем-то автономным от микромира человека, выступая масштабной проекцией тех процессов, которые происходят на индивидуальном уровне. Именно человек с его переживаниями, ощущениями, рефлексией является активным деятелем той противоречивой социальности, которая буквально требует своего переосмысления. В связи с этим, изменяется и ракурс исследования социальных проблем. Их решение требует постижения экзистенциальных аспектов индивидуального развития, вернее, тех условий и механизмов, которые позволяют решать проблему гармоничного человеческого, а, следовательно, и общественного развития. Другими словами, исследование природы индивидуальной социальности, условий и механизмов ее преобразования, позволяет выявить перспективы общественного функционирования и те проблемы, которые угрожают его порядку. В силу этого, обращение к механизмам индивидуального развития, причинам его деформации становится необходимым условием исследования общественной проблематики.

Данная перспектива анализа обращает внимание науки на изучение темы желаний, заявившей о себе особенно отчетливо в рамках постмодернистского дискурса. Многие из представителей данного направления (Ж.Делез, Ф.Гваттари, Ж.Бодрийар, Ж.Лакан и др.) обращаются к феномену желаний, настойчиво инвестирующихся в характер развития современного общества, и трансформирующих его в «социальную машину» по их производству¹. Поскольку именно желания (а не потребности!), как продукты рационального сознания в основном диктуют ход развития современных общественных отношений, определяют характер и качество жизни. Однако каким образом этот механизм индивидуальной активности угрожает социальной целостности, в чем сосредоточен его дезинтеграционный потенциал?

Приоткрывая проблематику желаний, постмодернисты не выявляют условий его конструирования, развертывания в социальном пространстве. Поэтому основной целью данной работы является анализ условий и механизмов формирования желания, выявление потенциала его деструктивности, как реальной угрозы индивидуальной и социальной целостности. Для решения поставленной цели в рамках статьи предполагается выполнить следующие задачи:

- проанализировать природу желания, как механизма индивидуального развития, раскрыть его роль и влияние на решение проблемы индивидуальной и социальной целостности,

- выявить основные противоречия и угрозы, которые несет в себе желание, как источник развития деструктивных потребительских ориентаций. Исходя из этого, проблемная ситуация исследования заключается в необходимости разработки темы желания как базового механизма индивидуальной и социальной деформации, с целью формирования методологии исследования проблематики социальной целостности.

В отличие от естественных механизмов индивидуальной и социальной активности – потребностей, то есть лимитированных, структурированных, естественных условий развития человека и общества, желания возникают как их искажение - псевдозаменители (симулякры)². Детерминированные рационалистической установкой

¹ Ж.Делез и Ф.Гваттари провозглашают «имманентность машин желания великим машинам социальности». Философы считают, что желания способны непосредственно инвестироваться в жизнь и изменять ее. «Желание не является чем-то получающим или дающим информацию, это не информация или содержание... это не то, что деформирует, а то, что разъединяет, изменяет, модифицирует, организует другие формы и затем бросает их» [1].

² Условия формирования желаний, как симулякров человеческих потребностей, вызваны отсутствием благоприятных (созидательных) условий формирования личности (социального окружения). В этой ситуации исключается наиболее сущностный аспект формирования индивидуальной целостности – опыт гармоничных социальных отношений, нарушается культурная преемственность поколений. Этот опыт и замещается конструирующейся в

развития, они нарушают механизм гармоничного развития личности, которое возможно лишь в процессе реализации фундаментальных человеческих потребностей, направляя потенциал человека на формирование и реализацию деструктивной установки - тотальное потребительство. Обусловленное прагматичным эгоцентризмом, последнее выступает реальной угрозой решения проблемы целостности (как индивидуальной, так и социальной) развития. Установка на тотальное потребительство трансформирует человека, его отношения в знаки, вещи, то есть предметы массового потребления. Именно таким образом, по мнению Ж. Бодрийяра, желания проникают в социальное поле [2].

Таким образом, желания искажают характер фундаментальных установок человеческого развития – потребности в любви, единении, приобщенности. В качестве продукта иллюзии разума (иллюзии превосходства), они раскалывают целостный порядок социальной реальности на множество отчужденных индивидуализированных мирков, деформируя, таким образом, механизм гармоничного развития личности. Другими словами, желания уводят человека от решения его экзистенциальных проблем – целостности, порядка, гармонии, формируют устойчивую внутреннюю зависимость.

Искажение условий развертывания потенциала человека конструирует опасную оппозицию – индивидуализированный мир, не ориентированный на принципы и законы гармоничного социального развития. В этой искаженной модели ценно лишь одно – желание и способность его удовлетворить. Последнее всегда конкретно, то есть оно всегда направлено на объект с конкретной целью - обладание им, использование, эксплуатация для доказательства собственного превосходства (мне нужна не просто машина, я хочу дорогостоящее престижное авто, чтобы оказать впечатление на окружающих, повысить свой статус и, таким образом, закрепить собственное превосходство). Другими словами, желание – это желание служения, которое человек пытается реализовать, идя на поводу иллюзии превосходства. В этом своем стремлении желания чрезвычайно настойчивы. Они беспокоят разум, заставляя искать «наименее трудоемкие и эффективные» способы их удовлетворения.

Такая настойчивость проявляется в чувстве неудовлетворенности, беспокойства, страха, и порождает сильные эмоциональные напряжения – импульсы (страсти), «требующие» сиюминутной реализации. Желания стимулируют получать желаемое мгновенно, не задумываясь о последствиях и реальных целях таких выборов, не прикладывая к этому долгих усилий и времени. Неудовлетворенное «хочу» становится навязчивой идеей человека и нераспознанное нами, ищет способы реализовать деструктивную установку. Эти механизмы желания и формируют эгоистичную разрозненную социальность - мир отчужденного потребителя. В связи с этой опасной характеристикой желаний Платон в свое время отмечал, что поскольку их бесконечное множество, то человек, старающийся удовлетворить их все, потеряет и покой, и свободу. Другими словами, в отличие от потребности, желание всегда ориентировано на эгоистическое стремление потреблять, присваивать, подавлять, питающее иллюзию о собственном превосходстве³.

Причем по мере своей реализации, это стремление нарастает и конкретизируется в материальной практике в виде, вполне определенных индивидуальных запросов материального (богатство, деньги, имущество) и статусного (престижные статусные позиции, власть и пр.) характера. Именно поэтому в отличие от потребностей, желание никогда нельзя полностью удовлетворить. Иными словами, диалектика желания такова, что его удовлетворение не снимает сам первичный импульс, напряжение. Наоборот, это ведет к возникновению все новых и новых его объектов. В силу этого зависимость от желания подчиняет человека.

сознанию человека иллюзией «реальных социальных отношений», основным источником реализации которой становится желание [3].

³ Этого нельзя сказать о потребностях (особенно духовных). Они всегда предполагают необходимость в усилиях для их реализации (например, удовлетворение потребности в любви предполагает кропотливую работу над отношениями, поскольку не давая, а лишь беря, она трансформируется в желание). С потребностью все просто: я нуждаюсь в пище в целом для поддержания необходимого уровня полноценного функционирования организма, но она для меня не самоцель. Нуждаюсь в любви и заботе, я нуждаюсь в теплых человеческих отношениях, в их опыте, а не в том, чтобы мне поклонились, угождали и выполняли мои требования.

Сам механизм искажения, определяющий природу желания, связан с условиями его конструирования. Формирование предпосылок данной ситуации начинается в раннем детстве, когда закладывается мотивационная структура человека. Здесь, необходимым условием формирования созидательной жизненной ориентации личности выступает выработка объективного восприятия реальности. Механизмами конструирования последнего выступают гармоничный социальный опыт и объективная система знаний, транслируемые благоприятной социальной средой – семейно-общинными отношениями. Эти механизмы актуализируют естественные источники человеческой активности – духовные потребности, удовлетворение которых направляет человека на реализацию духовного потенциала.

В данной ситуации все аспекты индивидуального становления – условия, механизмы, формирующаяся модель мировосприятия участвуют в становлении индивидуальной целостности, а следовательно, и перспективы реализации целостности социальной. Причем основным способом развития в этой ситуации становится кордоцентричное познание, которое и стимулирует закрепление продуктивных установок развития человека. В свою очередь, деформация необходимых условий решения данной проблемы (отсутствие созидательного социального опыта, объективного социального знания и т.п., то есть благоприятной социальной среды) ведет к актуализации вспомогательного инструмента развития – рационального познания. Принятие рационального познания в качестве основного источника постижения реальности и обуславливает нарушение механизма целостного развития личности, стимулирует ориентацию на удовлетворение желаний, обесценивает саму установку на духовное развитие.

Данная ситуация объясняется тем, что именно разум является источником конструирования иллюзорного видения. Стимулируя развитие иллюзий, разум конструирует не реальное видение желаемого объекта (себя), ситуации (их суть), а их искаженное поверхностное представление⁴, самообман, в котором настойчиво убеждает человека. Поэтому принимая авторитет разума, который не имеет конструктивного опыта (любви, взаимопонимания, доверия), поскольку функционально способен лишь на оценку окружающего мира с позиций пользы, выгоды / бесполезности, человек принимает искажение духовных потребностей (в любви, единении, доверии). Он, таким образом, подменяет их стремлением к служению (отделению, индивидуализации, то есть формированию эгоистической ориентации)⁵. Так формируется установка человека на развитие антипода любви – служения. Не зная, что любовь не может быть корыстной, не требует доказательств, оценок и жертв, разум предлагает человеку поверить в эту ложь, направляя все его силы не на творческое развитие и укрепление духовных связей с окружающим миром, а на нарастание зависимости, рабства от желаний.

В этой ситуации вместо гармоничного социального опыта и целостной модели восприятия мира, транслируемых в среде доверия, любви, порядка, формируется противоположный фоновый комплекс переживаний – неопределенность, страх, недоверие. Закрепленный в сознании в качестве реального опыта, он объективируется в повседневную практику.

Искажение закрепляется мощным рациональным защитным механизмом – страхом (не обладать желаемым)⁶. В силу этого желание иметь, подменяет потребность

4 Стремление к иллюзорному восприятию действительности, «облегчающему» жизнь самообману всегда подразумевает зрительное восприятие, поскольку основу самого понятия «иллюзия» составляет латинское слово *lux* (*lucis*) — свет.

5 Переживать любовь, принимать и отдавать ее, и таким образом, приобретать опыт гармоничных человеческих отношений и формировать искаженное представление о ней, не имея реального опыта – вещи несовместимые. Для формирования продуктивных отношений, для целостного развития человека, знания и опыт должны быть объективны, реальны, должны соответствовать и дополнять друг друга. Иначе невозможно становление индивидуальной целостности, иначе формируется зависимость от иллюзии, навеивающей искаженное видение ситуации. Другими словами, не зная, что такое любовь, и не имея опыта удовлетворения данной потребности, разум предлагает человеку ее эрзац, подделку (в виде желания служения). И принимая эту ложь, человек добровольно приносит себя в жертву.

6 Э. Фромм отмечает, что единственная реальность, которую может ощущать младенец, — это потребность в любви и физиологические потребности. У него еще нет переживания, отдельного от Ты. Он все еще пребывает в состоянии единства с миром, предшествующего пробуждению чувства индивидуальности и реализма. Внешний мир существует как определенное количество тепла и еды, но не как нечто (некто), узнаваемое реалистически

быть, блокирует сознание человека страхом. Паразитируя на фоне отсутствия опыта гармоничных отношений, страх трансформируется в исходный стимул поиска способов и вариантов реализации желания служения любыми средствами. Человек слепо хватается за все, что предоставляет ему окружающий мир, все больше погружаясь в хаос и дисгармонию. Возможности его искаженного желанием восприятия ситуации ограничены и настроены лишь на единственное - стремление реализовать собственный сценарий, иллюзию превосходства. Все свои силы и потенциал он направляет на реализацию иллюзии, таким образом, обрекая себя на зависимость.

Такая судьбоносная сделка не проходит бесследно, поэтому по мере нарастания желания служения и неудовлетворенности экзистенциальных потребностей человека, все больше заявляет о себе духовный вакуум. Ощущение неудовлетворенности, пустоты, дисбаланса нарастает и лишь в этой ситуации человек может изменить свою реальность. Лишь так, переживая тоску по настоящему, он способен услышать голос собственного сердца, сделать внутреннюю ревизию собственного сознания, открыть в себе потребность в творчестве, любви, освобождении, потребности в жизни.

В иной ситуации, заглушая в себе человеческое и активизируя потребительское, личность начинает искать в себе то, благодаря чему способна реализовать свое желание. Этим «чем-то» становятся таланты, способности, возможности, то есть все, что вызывает интерес, что может быть оценено и выгодно продано на человеческом рынке. Используя потенциал в этих целях, человек трансформируется в товар, вещь тотального процесса потребления.

Такой шаг только усиливает зависимость. Человек постоянно ищет способы быть оцененным, чтобы накопив оценки в «достаточной мере», самому стать вершителем судеб. Вариантов реализации такой стратегии множество, от установки на публичность (крайняя форма проявления этого – чрезмерное стремление к публичным практикам: в профессии, образе жизни и т.п.), до практик ухода от реальности (эскапизм, отшельничество, игро-, нарко-, таксикомании, криминал и т.п.). При внешнем отличии стратегий, все они обусловлены зависимостью от оценок внешнего мира, формирующих конформистскую ориентацию. Поскольку чтобы иметь желаемое нужно быть ценным.

Однако удовлетворение желаний и обладание желаемым не решают проблемы человеческой экзистенции, не делают человека счастливым, удовлетворенным. Само желание не способно заменить экзистенциальный человеческий запрос – потребность в любви, единении, приобщенности⁷. В силу этого все попытки реализовать себя в наборе желаемых знаков, объектов, вещей полезных и бесполезных, лишь заводят человека в тупик. «Искусственно вскормленный», он постоянно испытывает голод по настоящему и если внутренние призывы остаются неудовлетворенными, то деструктивная эгоистическая потребительская ориентация лишь нарастает. Она закрепляется в претензионном отношении к окружающему миру, который обязан предоставить желающему то, чего он хочет. Потеряв связь с реальностью, он уверен в том, что имеет полное право требовать или отобрать желаемое.

Анализируя природу эгоизма (нарциссизма) Э. Фромм отмечает, что «первичный нарциссизм - обычное явление, соответствующее нормальному физиологическому и умственному развитию ребенка. Но нарциссизм встречается и в более поздние периоды жизни (вторичный нарциссизм) - в тех случаях, когда у растущего ребенка не и объективно. При гармоничном развитии, это состоянием преодолевается благодаря все большему осознанию окружающей действительности. Это изменение происходит у ребенка на уровне чувственного восприятия, когда люди и предметы воспринимаются как разные и отделенные друг от друга объекты, — такое узнавание закладывает основу развития речи. ... лишь в возрасте 8-9 лет ребенок начинает воспринимать другого человека так, что может полюбить, почувствовать, что потребности другого так же важны, как его собственные [4].

⁷ Потребность в любви, единении равносильна потребности в жизни. Исследования показывают, что детеныши млекопитающих, лишенные в первые недели жизни родительской ласки, быстро чахнут и погибают, даже если им предоставляют кров и пищу. Дети также нуждаются в этом. Однако если в грудном возрасте ребенок, хоть в какой-то мере получает физическую ласку от своих родителей, то в большинстве случаев по мере его взросления, из-за отсутствия в семье гармоничных отношений, физический и эмоциональный контакт с родителями может ослабевать. Для большинства современных семей к сожалению эта ситуация типична, различны лишь «извиняющие обстоятельства» - родительская усталость, профессиональная занятость, стремление к обеспечению ребенка «благами общества» и т.п. Однако такие объяснения лишь слабое оправдание собственному эгоизму.

развились способность любить или он утрачивает ее. Нарциссизм является глубинной основой всех тяжелых психических заболеваний... для человека, подверженного нарциссизму, существует только одна реальность — его собственные мысли, чувства и потребности. Он не переживает или не воспринимает внешний мир объективно... Крайние формы нарциссизма можно наблюдать во всех видах психической патологии. У душевнобольного человека утрачен контакт с миром... Он не реагирует на окружающий мир, а если и реагирует, то его реакция определяется не реальностью этого мира, а исключительно течением его собственных мыслей и чувств. Нарциссизм прямо противоположен объективности, разуму и любви» [4, с. 47-49].

Таким образом, все больше ориентируясь на желаемое и принимая иллюзию за реальность, человек закликивается в своем развитии. На что бы ни было направлено его внимание, появление желаний и их удовлетворение всегда следует одной и той же схеме, достигая каждый раз прежней степени интенсивности. Поскольку каждая фиксация основывается на страхе не реализовать иллюзию превосходства, на эгоистическом стремлении обладать, пользоваться, потреблять окружающий мир. Принимая иллюзию за реальность, желание за потребность, человек отказывается от ответственности за собственную жизнь, вносит лепту в нарушение существующего порядка, в разрушение тех связей, которые делают его уникальной частицей единого Целого — семьи, рода, общины, общества, мира. Еще не осознавая последствий своей иллюзии, он стремительно пытается ее реализовать. Такая установка на выживание становится движением к символической смерти. По мере взросления заисимости человека, растет разрыв между его иллюзорной реальностью и реальной действительностью. Все сильнее окружающий мир демонстрирует «несогласие» с его системой представлений. Все больше неблагоприятных ситуаций, проблем, конфликтов начинает появляться вокруг, как бы демонстрируя человеку необходимость изменить свое отношение, восстановить нарушенный баланс. И если человек в своем стремлении получить желаемое не останавливается, ощущения лишения, одиночества, разочарования, страха становятся фоновыми.

И лишь не покидающее ощущение неудовлетворенности, нереализованности, духовного вакуума является единственным шансом разорвать циклическую зависимость, освободиться от власти желания. Однако страх неопределенности стремится заглушить внутреннюю пустоту, и человек с еще большим рвением бросается на удовлетворение желаний, не останавливаясь даже перед риском для жизни. Из-за страха крушения своего «идеального мира», неопределенности перед будущим, он готов терпеть внутренний голод и неудовлетворенность, «заедать» собственное отчаяние и пустоту, предлагаемыми миром «заменителями» - материальным комфортом, благами, выгодными отношениями.

Таким образом, обобщая сказанное выше, становится очевидно, что реализация духовного потенциала человека (потенциала человечности), становление его целостности, единения с миром, зависит от возможности удовлетворения духовных потребностей. Это, в свою очередь, определяет возможность формирования механизма созидательного развития личности (формирования гармоничной системы ориентаций и отношений, восприятия мира). Поэтому неудовлетворенность духовных потребностей, подмена последних желаниями, ведет к серьезным проблемам в развитии человеческого потенциала, формирует деструктивную жизненную ориентацию.

Участвуя в организации мотивационной структуры личности, желания нарушают механизм ее гармоничного целостного развития, угрожая духовному совершенствованию человека и решению экзистенциальных проблем индивидуального и социального развития.

Библиографические ссылки

1. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; пер. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — 672 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. — М. : Культурная революция; Республика, 2006, — 259 с.

3. Бродецкая Ю. Желания как угрозы индивидуальной и социальной целостности [Электронный ресурс] / Ю. Бродецкая. – Режим доступа : http://tolkoznanie.ru/load/psikhologija/socialno-psikhologicheskie_osobnosti_lichnosti_v_uslovijakh_transformacii_obshestva/2-1-0-3

4. Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. В. Банкетовоу. – М. : Аст, Хранитель, 2006, – 544 с.

Бродецька Ю. Ю. Перетворення людини що бажає: аналіз механізмів деформації людського потенціалу

Фокус дослідження зосереджений на аналізі феномена бажання як раціонального механізму деформації індивідуальної та соціальної цілісності. Умови розвитку сучасних суспільних відносин, їх характер і перспективи, трансформують соціальність в продукт знакового споживання - тотального споживацтва. Аналіз соціальної практики дозволяє говорити про необхідність дослідження змін ціннісних установок і орієнтирів самої людини. У зв'язку з цим, автор звертається до теми бажання, яке сьогодні виступає механізмом індивідуальної та соціальної активності, спотворюючи характер екзистенційних механізмів активності людини - потреб.

На думку автора, дослідження проблематики бажання дозволяє виявити той деструктивний потенціал, який загрожує вирішення проблеми індивідуальної та соціальної цілісності.

Ключові слова: бажання, потреби, індивідуальна цілісність, соціальна цілісність, суспільство споживання.

Brodetskaya Yu. Transformation of a man who wants: an analysis of human potential mechanisms deformation

This article analyzes the phenomenon of desire as a rational mechanism of individual and social integrity deformation. Conditions of modern society relations development, their character and prospects transform sociality into a product of the signed consumption - total consumption. Social practice analysis suggests the need to study the changes of the individual attitudes and orientations. Due to this fact, the author turns to the subject of desire. Today desire is a real mechanism of individual and social activity, which is distorting the mechanisms of the existential nature of human activity – needs.

Modern society state is the result of the human's values transformation. Rationalism, pragmatism and other settings of modern age expressed their destructive potential. In this situation, following the integrative development model, that is «a microcosm in the macrosom and the in macrosom the microcosm», it is getting clear that the source of problems and contradictions of the society associated with a human being. It is in the nature of the latter, where profound changes occur, and they are turning up in the imbalance of the social unity. Consequently, by getting into the nature of the individual context it is revealed that the main problem concerns the distortion of the harmonious and integral personality development.

The point at issue is that today the main source of human activity appears not existential needs but desires that are based on a distortion of the needs. Desires as rational development mechanisms are aimed to fulfill selfish units of the individual development – to use, to consume, to exploit. They are expressed in the particular set on the service. Therefore, getting more specific in the process of their development desires are objectified in material (wealth, money, real estate) and status (power, prestige, status positions) practices.

We can say that by intensifying desire, everyday life rationalization is reflected in the set on total consumerism. This practice of consumption is losing its traditional meaning and being transformed from spiritual process of comprehension and change of the reality into the material things worship practices. Thus, harmonious human development and individual and social integrity formation are violated.

Key words: desires, necessities, individual integrity, social integrity, society consumer.

Надійшла до редколегії: 04.04.2014

УДК 1 : 159.9.016.1: 159.923.2 :316.47 (045)

Н. Є. Доній

НПУ імені М.П.Драгоманова

ФЕНОМЕН ТІЛЕСНОГО СТАЙЛІНГУ В СУЧАСНОМУ СОЦІАЛЬНОМУ ПРОСТОРИ

Мета даної статті полягає в з'ясуванні сенсу тілесного стайлінгу, як концепту, що описує одну з граней існування індивіда в сучасному соціальному просторі. Тілесний стайлінг дає тілу позбавлення від ознак хвороби та старості, проте має елементи штучності й перетворюється на проект, що вимагає розробки та впровадження. Людина, дотримуючись вимог тілесного стайлінгу, не замислюється про перетворення себе на автомат або машину. Найбільш негативним наслідком тілесного стайлінгу є те, що людина не отримуючи від нього того задоволення на який вона розраховувала, все більше демонструє нові симптоми захворювання невдоволеності собою - перенасиченість життям, апатію, відсутність сенсу існування.